

Эвклид КЮРДЗИДИС: Чехов, Бунин, Набоков проходят мимо меня

Татьяна КОРОТКОВА

Антрепризные проекты, съемки в кино, творческие вечера, записи музыкальных дисков: Эвклид Кюрдзидис - счастливый человек. Он живет в пространстве нескольких тесно связанных между собой культур: грек по национальности, он родился в Грузии, учился в Украине, стал известным актером в России.

В конце февраля Театр Луны и Греческий культурный центр под патронатом Министерства культуры Греции и Департамента культуры Москвы представили совместный проект - спектакль «Антигона» в постановке Александра Смольякова по пьесе древнегреческого драматурга Софокла. В роли фиванского царя Креонта - заслуженный артист РФ Эвклид Кюрдзидис.

- Эвклид, вы с евклидовой геометрией в ладах?

- У меня по геометрии всегда были пятерки, хотя людям с артистическими наклонностями любовь к точным наукам не свойственна.

- Метаний с выбором профессии не возникало?

- Нет. Классе в четвертом понял, что стану артистом. Для меня было приятным открытием, что я могу менять настроение других людей. Мне даже кажется, что этот выбор и вообще все в моей жизни просчитано свыше, будто я иду по некоей заданной траектории и все точки шага совпадают...

- Родители ваших родителей - греческие переселенцы, то есть вы получили вполне греческое воспитание.

- В Греции правит один культ - семьи и ребенка. Родители позволяли мне пробовать все. До четырех лет я жил в Грузии, затем наша семья переехала в Эссентуки, с этим городом связаны отроческие годы. Я посещал множество кружков и по прикладным видам искусства, и по сценическим в ДК «Современник» и при Доме пионеров. Это даже трудно перечислить: я что-то выпиливал, выжигал, рисовал, играл на музыкальных инструментах, занимался цирковой акробатикой, танцами, пением. Однажды притаился в дом балалайки-контрабас, в кружке на дом давали инструмент тем ребятам, кто занимался особенно упорно. Но я хочу воздать должное времени: советское детство давало возможность пробовать себя на любом поприще. Мне до сих пор пригождаются навыки, полученные в кружках. Музыканты говорят: «Ты держишь трубу, как профессионал». Учился мальчишкой, память физических действий осталась... Сейчас просто семье отдать ребенка в несколько кружков просто невозможно - за все нужно платить. А наша семья была обычной, к тому же многодетной - четверо детей.

- Кажется, у греков не принято наказывать детей за провинности?

- В греческих семьях подход такой: мальчиков надо воспитывать в спартанских условиях, а девочек - просто любить. С бессмысленной жестокостью наказания я столкнулся в детском саду. Увидел, как воспитательница унизила перед всеми девочку, и в знак протеста сбежал. Добрался до автовокзала и долго сидел в каком-то автобусе, размышляя: как можно было так оскорбить ребенка? После того случая меня в детский сад больше не

водили, поняли, что шутить со мной нельзя. Это был не мой формат, говоря современным языком: я не мог по команде спать, есть, ходить строем...

- А в формат школы вы вписались?

- Я учился в образцовой школе. У меня были прекрасные учителя, общаемся до сих пор. Там устраивали грандиозные праздники, к концертам и спектаклям шили костюмы, мастерили декорации. Сейчас говорят - денег нет у школ на такие вещи. Но ведь и в ту пору денег не было, а рождалось!

- Что для вас Греция? И как вы обнаружили в себе грека?

- Где бы грек ни родился, он гордится своей историей, ведь достижения греческой культуры и науки - это тот базис, на котором стоит современная цивилизация. Я недавно прочел, что величайшие греческие драматурги, писатели, ученые имели ко всему прочему олимпийские медали за спортивные победы. Люди были всесторонне развиты. Я вырос греком, но на русской культуре. Греция входила в меня через весь наш семейный уклад. Это прежде всего православие. Наша семья была верующей, мама хранила старинную икону, ее, к сожалению, украли в девяностых. Конечно, традиционная греческая кухня. Музыка. Церковные и народные праздники, дни рождения, крестины, свадьбы. Греки живут общиной очень тесно, редко ассимилируются. Бывает, что, проживая в другой стране, они не знают местного языка, им достаточно общения внутри диаспоры. Моих друзей-негреков удивляет, что я знаю своего шестигородного брата, в то время как в России и с двоюродными не всегда общаются. А у греков двоюродные и троюродные как родные.

- В девяностых многие пользовались любой возможностью, чтобы уехать. Вас эта мысль не искушала?

- Я всегда мечтал иметь какой-то документ, свидетельствующий о принадлежности к Греции. Это важно для любого грека. Родители предупреждали, что артист не мужская профессия. Но выбор оставил за мной. А потом в Пятигорске был совершен криминальный поджог старинного здания театра, в котором служил, и я оказался на улице. Шел 1991 год. Все выжидали еле-еле. В те годы любимым делом я заниматься не мог, положение казалось безнадежным. Мне не зазорно было пойти мести улицы, это честный труд. Но все-таки я актер, хотел играть. И вот когда я уже строился уехать в Грецию, мне позвонил друг - студент Литературного института - и предложил: «Приезжай в Москву, поживи здесь, перед тем как уедешь навсегда».

- Прямо по Чехову: «В Москву, в Москву!»

- Нет, я никогда сюда не стремился. Мне было комфортно на Украине, Днепрпетровск, где учился, -

театральный город, я успел его полюбить, а Пятигорск, где работал, - одна из жемчужин Кавказа. В Москву я отправился просто развлекаться. Но как только сошел на перрон на Казанском вокзале, остро почувствовал, что ритм Москвы, ее атмосфера - это мое, будто я вернулся домой. И вот пока ехал от вокзала к общежитию Литинститута, меня захлестывало чувство узнавания. Было полное ощущение, что я тут когда-то жил. И я понял, что хочу остаться.

- Общежитие Литинститута не испугало?

- Месяц там - отдельная часть жизни. Мне кидали матрас, говорили: вот полотенце - накрываешься и спишь, ты артист, а мы писатели,

Эвклид КЮРДЗИДИС

это нормально. Случай суицида в писательском общежитии вынудили администрацию укрепить между этажами железные сетки. Актеры имеют возможность выплеснуть свои эмоции на сцене, а писатель - вещь в себе. Все переживает и перегорает внутри. В общежитии я увидел такие типажи, которых больше нигде не встретишь. Иногда мне даже становилось страшно. Я видел поэтессу, которая шла по коридору и рождала стихи, не замечая вокруг вообще ничего. Это очень похоже на психическое заболевание, тем не менее стихи выходили действительно замечательные. Но мне нужно было как-то устраиваться в Москве. И совершенно случайно по объявлению я нашел место, где прожил следующие шесть лет. Это была мастерская скульптора на старом Арбате, огромное помещение с душем и телефоном. Я, конечно, хозяина отблагодарил - сделал ремонт. Так что с тех пор все разговоры о негостеприимстве москвичей отменяю сразу. Мне выдержать все испытания в столице помогли именно москвичи.

- Вы искали место в столичных театрах?

- Я понимал, что выпускника днепропетровского училища в

Москве не ждут. Тем более что время было страшное. Арбат был большим грязным рынком, там продавали все: от матрешек до куриных яиц, причем за яйцами стояли огромные очереди. Но я собрался с силами и поступил во ВГИК, в мастерскую Анатолия Ромашина. Так что Театру Луны я не посторонний, ведь Ромашин здесь играл, мы, студенты, ходили на его спектакли еще в старое подвальное помещение. Здесь висят фотографии моего мастера, учреждена театральная премия «Ромашка». Поэтому стены помогают.

- С какими чувствами вы, грек, репетировали одну из самых известных древнегреческих трагедий?

- Когда я услышал от актрисы Теодоры Янници, директора Московского Греческого культурного центра, что она мечтает об «Антигоне» в Москве, я даже побоялся озвучить свою мечту - сыграть в древнегреческой трагедии. С тех пор прошло несколько лет. И вдруг меня зовут в этот спектакль. Причем режиссер говорит: «Мне кажется, ваша роль - Креонт». А я с радостью согласился бы и в хоре стоять или играть эпизодическую роль Вестника. Мне просто хотелось стать причастным классической трагедии. «Антигона» - глоток воздуха, истинное творчество. Меня в этот спектакль привела мечта.

- Каким вы видите своего героя?

- Креонт - сложный персонаж. Первой мыслью было: это возрастная роль. Но потом я вспомнил пушкинское: «Вошел сорокалетний старик». Мне за сорок, я буду играть свой возраст. Креонта пропускаю через себя, свои мысли. В этой трагедии мой герой проходит через настоящие горнило вечных вопросов: родства, отцов и детей, власти. Самое коварное искушение - властью, она дает уверенность, что ты избраный, почти бог на земле. Власть точит человека изнутри. Все, что сказал Софокл пять тысяч лет назад, современно и сегодня. Но Креонт понял: не позорно признавать ошибку. Он тяжело к этому шел: он достойный царь, его уважал народ, обстоятельства заставили быть жестоким, ведь закон нарушила родная племянница, да еще и с вызовом, прилюдно. У него нет иного выхода, он должен казнить Антигону, такое решение диктуется интересами власти. Но есть что-то, что выше этих интересов. В финале Креонт раскаивается. И я теперь понимаю, почему Греция православная страна... И мне дорого, что Антигону играет афинянка. Теодора Янници окончила ГИТИС, имеет кандидатскую степень, читает на древнегреческом, новогреческий - ее родной язык. Я через нее на уровне подсознания ощущаю историческую правду «Антигоны». И конечно, повезло с режис-

сером, в котором столько терпения, он так деликатен с нами, артистами.

- Язык древнегреческой трагедии сложен, как вам удается совладать с большим массивом текста?

- Фаддей Зелинский считался и считается лучшим переводчиком древнегреческой литературы, он воссоздал поэтику Софокла удивительно точно по мелодике и смыслу стиха. Креонт на сцене от начала до конца, он произносит огромный сложный и красивейший текст. Какие глаголы использует переводчик! «Не своей руки пал ты жертвою, а своим сражен неразумием». Нельзя деформировать фразу, чуть-чуть упустишь, упростишь - и нет той музыки. Спектакль идет на русском, но в постановке используются древнегреческий и новогреческий языки. Это божественно красивая речь. Я завидую Теодоре - она чувствует всю мощь подлинного языка Софокла. Я не мог оторваться от того, как Теодора делает роль Антигоны, как она существует на сцене - древняя трагедия заложена в ней генетически. А когда я надел костюм Креонта из ткани, специально привезенной из Греции, понял: так одевались цари. Это тоже очень настраивает. Вообще над спектаклем работали талантливые художники и постановщики.

- Расчет на высокое зрелище?

- Зритель в театре должен получить лучшее. Лучшее оформление и большие сильные чувства. Хватит нам смеяться, пора услышать поэзию трагедии, пугаться ее не нужно. «Антигону» приезжали смотреть гости из Греции и Европы, мои друзья и коллеги, им тоже было интересно, что у нас получилось. Кстати, во всей Греции населения меньше, чем в Москве. И когда я говорю грекам, что в российской столице около двухсот театров, их это приводит в изумление. Театр - греческое изобретение, но во всей Греции театров намного меньше, чем в главном российском городе.

- Эвклид, так какая из стран вам все-таки ближе: Греция или Россия?

- А какая рука вам важнее: левая или правая? Я вырос на русской культуре, я актер русской школы. На русском языке говорю с рождения. Но с огромным удовольствием осваиваю греческий. Если случится, что я буду нужен там, откуда вышли мои предки, - буду этому безмерно рад. Когда я учился во ВГИКе, мне говорили: «Что ты будешь играть в русской классике с таким лицом?» Но профессия артиста - заставить зрителя забыть обо всем. В том числе и о такой условности, как национальность.

- В конце концов Чехова играют и японцы...

- Моя дипломная работа во ВГИКе - спектакль «Свадьба» в постановке Андрея Голикова. Я играл 82-летнего Ревунова-Караулова. Конечно, был талантливый гример. Но требовалось сделать речевую и внешнюю характеристику героя: он глуховат, он уже древний старик, но при этом с чувством собственного достоинства... Вот такой работы ждет настоящий актер. Я не понимаю режиссеров, которые однажды увидели меня в роли чеченского чабана, а потом с сожалением говорили: «Ты прекрасный артист, жаль, у меня нет сейчас для тебя ни одной чеченской роли...» И мимо проходят мои любимые авторы - Чехов, Бунин, Набоков...